

Су Цзяньцю кивнул и снова потянулся проверять дверь.

Фу Бай обнял его за плечи, не давая встать. — Дверь тоже заперта, я лично проверял, поверь мне.

Он уже давно заметил эту привычку Су Цзяньцю — в особняке тот тоже постоянно перепроверял окна и двери. Тогда Фу Бай думал, что у Су Цзяньцю просто лёгкая одержимость, и не знал истинной причины.

— Впредь брат будет спать с тобой. Даже если меня не будет рядом, я поставлю больше телохранителей. Больше с тобой ничего не случится, так что успокойся, хорошо? — Фу Бай обнял Су Цзяньцю и уложил его на кровать.

Су Цзяньцю кивнул. — Хорошо. Когда брат рядом, я не боюсь.

С тех пор как он стал спать с Фу Баем, кошмары стали приходить гораздо реже.

Довольный Фу Бай притянул его к себе, повернулся и поцеловал в щёку. — Спокойной ночи, госпожа Фу.

— Спокойной ночи.

Су Цзяньцю, подражая Фу Баю, тоже поцеловал его в щёку.

Сегодняшние переживания вымотали его, и Су Цзяньцю быстро заснул.

Фу Бай смотрел, как тот спит, и уже собирался засыпать сам, как на телефоне пришло уведомление из WeChat.

Аватарка Шу Чжэня была прежней — картина маслом.

Фу Бай взглянул на мирно спящего в его объятиях Су Цзяньцю и почему-то почувствовал лёгкую неловкость.

У Шу Чжэня сейчас должен быть день. Через пять минут пришло ещё одно заявка в друзья, с пометкой: [Фу Бай, насчёт помещения на улице Наньшань, хочу с тобой поговорить.]

Фу Бай вспомнил. В прошлый раз Цзи Ланьсин говорил, что Шу Чжэнь возвращается в страну открывать художественную галерею. Как раз у Фу Бая были коммерческие помещения на улице Наньшань, и он попросил Цзи Ланьсина передать их Шу Чжэню под галерею.

Он нахмурился. Попросить Цзи Ланьсина выступить посредником — именно чтобы избежать личных контактов с Шу Чжэнем.

В конце концов, помедлив, он всё же принял заявку в друзья.

Разница во времени с Шу Чжэнем составляла семь часов, у него сейчас должен быть день. Как только Фу Бай принял заявку, сразу пришло сообщение.

[Шу Чжэнь: Как поживаешь все эти годы?]

В темноте синий свет экрана телефона резал глаза. Фу Бай смотрел на это незнакомое и в то же время знакомое приветствие, и в нём внезапно вспыхнуло раздражение. Рука потянулась к ящику за сигаретами, но, взглянув на Су Цзяньцю в своих объятиях, он сдержался.

На экране светилось [Собеседник набирает сообщение...]

Возможно, Шу Чжэнь, не дождавшись ответа, подбирал другие слова.

Фу Бай не хотел ностальгировать и прямо спросил: [Что случилось?]

[Шу Чжэнь: Помещение на улице Наньшань я видел раньше, оно очень подходит для галереи. Но я не могу взять его просто так, назови цену. И ещё: почему ты попросил Цзи Ланьсина передать мне это помещение?]

Фу Бай проигнорировал второй вопрос: [Сказал, что дарю, значит дарю. Я не оценивал.]

Не знал почему, но перед Шу Чжэнем вся его вежливость и джентльменство будто испарялись, он никогда не выбирал слов.

Как и ожидалось, эта фраза рассердила Шу Чжэня.

[Шу Чжэнь: Это что? Компенсация?]

Фу Бай глубоко вздохнул. Компенсация? Пусть будет так. Если быть честным с собой, он действительно кое в чём провинился перед Шу Чжэнем и пытался это загладить. Но он действительно ненавидел этот обвинительный тон.

Поэтому ответил: [Считай как хочешь.]

Он знал, что звучал как полный подлец, но именно так он и думал. Да и объяснять Шу Чжэню было бесполезно — тот бы всё равно не слушал, верил только в то, во что хотел верить.

Гнев Шу Чжэня мгновенно испарился: [Ты действительно не изменился. Что захотел — то и сделал, а все вокруг должны тебе подыгрывать.]

Увидев эти слова, Фу Бай замер.

Неужели в глазах Шу Чжэня он всегда был таким? Он признавал, что в молодости был глуп и высокомерен, не умел сдерживаться, не думал о чувствах окружающих. Раз Шу Чжэнь так говорит, он готов принять это.

Спустя долгое время он наконец ответил: [Двести тысяч.]

Фу Бай вздохнул, снова потянулся к ящику за сигаретой, но снова сдержался. Место на улице Наньшань было дорогим, двести тысяч — даже не мелкая часть стоимости. Но он знал Шу Чжэня. Тот был незаконнорожденным, и, возможно, из-за своего неудобного статуса стал таким замкнутым, чувствительным, с гипертрофированным самолюбием. Если бы Фу Бай не взял с него денег, Шу Чжэнь бы наверняка всё перевернул в своей голове.

Ещё когда они были вместе, Фу Бай никогда не знал, как защитить это чувствительное и подозрительное сердце. Даже неосторожно сказанное слово могло заставить Шу Чжэня строить догадки. Часто Фу Бай просто хотел помочь, защитить его, но Шу Чжэнь видел в этом лишь жалость и сострадание.

В интерфейсе чата снова появилось [Собеседник набирает сообщение]. Прошло целых две минуты, экран телефона погас от бездействия, и когда Фу Бай уже думал, что Шу Чжэнь не ответит, экран снова загорелся.

[Шу Чжэнь: Фу Бай, это что за игра? Кого ты пытаешься унижить? Сегодня мне не стоило с тобой связываться. Столько лет прошло, а ты ни капли не изменился — всё тот же высокомерный наглец, не умеющий уважать других!]

[Шу Чжэнь: Эти приёмы с подарками машин и квартир побереги для своего любовничка. Мне такое не нужно.]

Обращение «любовничок» окончательно вывело Фу Бая из себя. Сдержанное до сих пор раздражение прорвалось наружу, и он, схватив телефон, отправил голосовое сообщение:

— Шу Чжэнь, по какому праву ты меня судишь? Думаешь, ты сам хоть чему-то научился? Столько лет прошло, а ты остался таким же — чувствительным и мнительным! Почему ты никогда мне не веришь? Ты не веришь мне или не веришь самому себе?

Фу Бай стиснул телефон и что есть силы швырнул его на пол, в глазах пылала ярость.

Телефон ударился о пол, и, хотя пол был застелен ковром, раздался глухой удар.

— Брат!

Су Цзяньцю вздрогнул от испуга, открыл глаза и увидел, как Фу Бай сидит на краю кровати и швыряет что-то. От неожиданности он мгновенно сел.

Его голос дрожал от страха, и это вернуло Фу Баю немного рассудка.

Фу Бай смягчил выражение лица и включил прикроватный светильник. — Что такое? Почему проснулся?

Спросив это, он тут же понял, что вопрос глупый — конечно же, его разбудил сам Фу Бай.

— Прости, что разбудил тебя.

— Я немного проголодался, — Су Цзяньцю потер глаза, его голос был мягким, с хрипотцой от сна. — Хочу лапшу удон.

— Лапшу удон? — Фу Бай взглянул на время. Сейчас час ночи. Но Су Цзяньцю редко просил что-то конкретное, поэтому Фу Бай постарался выполнить его желание. — Хорошо, я закажу в ресторане отеля, пусть принесут.

Ресторан в отеле работал круглосуточно, но лапши удон могло и не быть. Фу Бай специально уточнил: если нет, то купить за пределами отеля.

— Подожди немного, скоро принесут, — Фу Бай положил трубку, повернулся и потрепал Су Цзяньцю по волосам. — Почему вдруг проголодался?

Су Цзяньцю был ещё сонный и немного взволнованный, он покачал головой.

Фу Бай улыбнулся и сказал ему:

— Я выйду, покурить.

— Да, хорошо. — Су Цзяньцю почувствовал, что с Фу Баем что-то не так, наверное, из-за того инцидента с телефоном.

У Фу Бая не было зависимости от сигарет, он курил лишь изредка. Но сегодня он уже во второй раз предлагал выйти покурить.

Телефон, брошенный на ковёр, вдруг завибрировал.

Су Цзяньцю поднял его.

Возможно, из-за ковра телефон остался цел и невредим, экран всё ещё показывал страницу чата в WeChat.

Су Цзяньцю поклялся бы, что не хотел вторгаться в чужую частную жизнь, но он всё же уловил несколько фраз из диалога, включая ту, где было «любовничок».

Он увидел, что в правом нижнем углу аватарки собеседника была подпись. Давным-давно, в альбоме Фу Бая, он видел фотографию Фу Бая с одним парнем, и в правом нижнем углу той фотографии была такая же подпись.

Шу Чжэнь.

Столько времени будучи заменой, он наконец узнал — настоящее имя оригинала было Шу Чжэнь.

Су Цзяньцю вдруг стало грустно, беспричинно грустно.

Когда он впервые по совету Чэнь Хуая приблизился к Фу Баю, тот уже говорил, что Су Цзяньцю немного похож на белую луну Фу Бая, и именно это помогло им успешно заключить сделку. Позже, от Цзи Ланьсина и Мужун Ли, он тоже получил некоторые намёки, примерно понимал, в чём дело, и был практически уверен, что является заменой.

Но когда оригинал появился по-настоящему, когда он узнал его имя, у него наконец сложилось чёткое осознание: всё то хорошее, что Фу Бай делал для него, изначально предназначалось Шу Чжэню.

Он был как вор, укравший тепло, принадлежавшее Шу Чжэню.

Он закрыл глаза и мысленно извинился перед Шу Чжэнем: [Прости. Когда ты вернёшься, я обязательно уйду. А до твоего возвращения позволь мне постыдно насладиться ещё немного теплом, что принадлежит тебе.]

— А-Цю, лапша удон пришла.

<http://bllate.org/book/15452/1370838>